

ПОЛИТОЛОГИЯ

Ю. П. Шабает

Этнополитология и этнополитика в современной России: теория и политические практики

УДК 32.001

В России, где проживает большое количество самых разных этнических групп, этничность является не только неким символическим и культурным ресурсом, но и ресурсом политическим. Более того, в последние два десятилетия политизация этничности приобрела значительные масштабы. В стране сформирована достаточно основательная законодательная база, регулирующая взаимодействие между государством и этническими группами, оформилась доктринальная основа этнополитики. Но между доктринальным уровнем, институтами этнополитики и политическими практиками нет достаточно продуманных и необходимых связей, а уровень этнополитической и правовой подготовки чиновников, занятых регулированием отношений между государством и этническими группами, весьма низок.

На основании собственного опыта исследований и преподавательской практики, автор указывает на то, какие акценты необходимо сделать при построении названного учебного курса и обосновывает необходимость изменения статуса дисциплины, а также этнополитологической подготовки кадров управленцев, занятых реализацией государственной национальной политики/этнополитики.

Ключевые слова: этнополитология, этнополитика, этничность, идентичность, мультикультурализм, государство.

Yu.P. Shabayev. mEthnopolitology and ethnopolitics in modern Russia: theory and political practice

In Russia, where a large number of different ethnic groups, ethnicity is not only a kind of symbolic and cultural resources, but also a political resource. Moreover, in the past two decades, the politicization of ethnicity has become a considerable scale. In a country formed quite thorough legislative framework governing the interaction between the government and ethnic groups, was formed doctrinal basis of ethnic policy. But between the doctrinal level, institutions of ethnic policy and political practice is not enough thoughtful and necessary links, and the level of ethno-political and legal training of officials engaged in the regulation of relations between the state and ethnic groups is very low.

Based on our experience in building called the course of research experience and teaching practice, the author points out, what emphasis should be named in the construction of the course and the necessity to change the status of the discipline, as well as etnopolitologicheskoy training managers involved the implementation of state policy, to national / ethnic policy.

Key words: *Ethnopolitology, ethnic policies, ethnicity, identity, multikulturalizm, state.*

Введение

Прошедший 18 сентября 2014 г. референдум о независимости Шотландии, споры вокруг легитимности аналогичного референдума, состоявшегося в том же году в Каталонии, неприятие большинством стран мира референдума, приведшего к отделению от Украины Республики Крым, громкие заявления о крахе мультикультурализма, которые слышатся из уст западных лидеров и одновременный рост влияния в Европе националистических, а на Ближнем Востоке и в Африке исламистских движений – все эти события являются явным свидетельством крайней актуализации этнополитических проблем в современном мире.

При этом как на Западе, так и в России перед исследователями стоят во многом общие проблемы, поскольку поликультурность и поликонфессиональность являются неизбежным атрибутом сложносоставных обществ и стран, вовлеченных в глобальное хозяйство, глобальные рынки и глобальную культуру.

Разница лишь в том, что в одном случае поликультурность и поликонфессиональность соперничают с идеей гражданской нации и

принципом солидаризма, которые являются идейной основой демократически организованных сообществ, а в другом – актуализация культурной отличительности делает еще более сложными попытки перехода от тоталитаризма и авторитаризма к демократии, строительству гражданской нации, которое осуществляется не путем диалога между социальными и культурными группами, между ними и государством, а главным образом за счет усилий бюрократии.

Политизированная этничность в России

В последние годы в России шли активные и бесплодные дискуссии по поводу государственной идеи и государственной идеологии, но одновременно из массового сознания усилиями политиков разного уровня «вымывались» идеи толерантности (в советской версии – интернационализма), гражданской солидарности и гражданского единства (в советской версии – единого советского народа) и, наоборот, активно навязывалась этничность. Население отдельных регионов и российский социум в целом не рассматривались политиками и различными антрепренерами (включая этнических антрепренеров) как целостные гражданские сообщества, но представлялись лишь как некая сумма этнических групп, имеющих разные исторические судьбы и специфические культурные ценности.

Мобилизованная этничность находила отражение в политических практиках региональных властей и закреплялась в законодательных актах, декларациях этнополитических организаций, нередко носивших откровенно дискриминационный характер, а порой близких к расизму. Стремление вольно или невольно противопоставить одни этнические общины другим, доказать уникальность и несхожесть культур этнических сообществ логически не только вело к усилению внимания к их культурной самобытности, но и порождало интолерантность, усиливало эрозию гражданской солидарности россиян.

Политизированная этничность и отсутствие целенаправленной политики по укреплению гражданских идеалов в совокупности и создали ту «питательную среду», которая породила всплеск ксенофобии, интолерантности, бытового расизма, а нередко и откровенного фашизма, борьбу с коим пытаются организовать, тиражируя антифаши-

стские/антирасистские комитеты и декларации. Неосведомленность политических менеджеров, общественных активистов и самой общности о границах и допустимых пределах политизации этничности проистекает из того, что в стране нет действенного этнологического и особенно этнополитического образования. Самым показательным примером может являться трактовка понятия «национальность». Во всем мире это понятие является синонимом гражданства, в России со времен СССР – синоним «этнической принадлежности». Отвергнув еще на закате горбачевской перестройки концепт советского народа как политической общности, российская политическая элита ничего не предложила взамен. Точнее, взамен, как и после большевистского переворота 1917 года, был предложен этнический национализм. «В этническом национализме, «национальность» становится синонимом этничности, – как пишет Л. Гринфельд, – а национальная идентичность часто понимается как отражение или осознание «примордиальных» или наследственных групповых характеристик, компонентов этничности, таких как язык, обычаи, территориальная принадлежность и физический тип» [51, р. 2].

Концепт нации-этнуса положен в основу идеологических конструкций почти всех этнополитических (которые принято называть «национальными») движений в России и взят на вооружение многими политиками. Важно заметить, что абсолютизация этнических оснований региональных сообществ, ориентация на принцип крови в политической жизни способствуют стиранию тонкой грани между идеями культурной самобытности (культурного самоопределения) и расизмом. Так называемый новый расизм не придает основное значение физическим различиям между людьми, а концентрирует внимание именно на культурном/национальном характере и уникальности культурных сообществ [52, р. 255], а следствием такого подхода становятся политические проекты, призванные разделять политические интересы этнических и расовых общин.

Такой проект уже имел место в политической практике финно-угорского движения: в итоговых документах I съезда АФУН (Ассоциации финно-угорских народов России), состоявшегося в 1992 г. в Ижевске, было записано предложение добиваться того, чтобы в региональных парламентах «финно-угорских регионов» одна из палат

формировалась исключительно из представителей титульных этносов, т. е. по принципу крови [22, с. 251]. Сходный проект пытались реализовать в ЮАР после 1983 г., когда начался закат эпохи апартеида, а парламент страны начали реформировать под давлением мирового сообщества и создали там палаты для белых, для цветных и для индийцев [17]. Естественно, что подобная форма представительства не удовлетворила критиков апартеида, поскольку разделение расовых и этнических групп лишь облекалось в новую форму.

Следует иметь в виду и то, что идеологи этнополитических движений в своих программных документах последовательно «вычленяют» этнические сообщества из гражданской общности россиян и противопоставляют этничность гражданству [48]. Восприятие этнических общностей как неких культурно изолированных от остального населения государства образований приводит к следующему логическому шагу: эти сообщества становятся в политических конструкциях этнических антрепренеров экстерриториальными, и их пытаются воспринимать как органическую часть более крупных внегосударственных культурных сообществ, конструируемых по лингвистическому или религиозному признаку. Примерами такого рода квазисообществ являются «арабский мир», «тюркский мир», «славянский мир» и так называемый финно-угорский мир, последний из которых как этнополитический проект появился лишь в конце XX в., т. е. тогда, когда другие аналогичные паннационалистические проекты уже, очевидно, изжили себя. Идеологи этнонациональных движений финно-угров (шире – уральцев) заявляли неоднократно о необходимости «воссоздания» такого мира, а сегодня утверждают, что финно-угорский мир стал реальностью.

Для конструирования общего финно-угорского пространства с 1992 г. проводятся Всемирные конгрессы финно-угорских народов (к примеру, первый Всеславянский конгресс был проведен в Праге в 1848 г.), финно-угорские фольклорные фестивали, съезды финно-угорских писателей, фестивали финно-угорских театров и т. д. Более того, этнизируются те сферы общественной жизни, которые всегда были вне этнических традиций. Стало создаваться этническое искусство (в основном изобразительное), проводятся этнические спортивные турниры (хотя спорт должен по своему предназначению сбли-

жать народы, а не разделять их на культурные группы), на которые спортсменов отбирают по принципу крови, приобрели популярность этнические конкурсы красоты, на которых главными являются не универсальные каноны женской красоты, как на конкурсах «Мисс мира» или «Мисс вселенная», а приверженность этническим традициям (как и на конкурсах «Мусульманка мира», где главным критерием является приверженность религиозной традиции), проводятся конференции финно-угорских журналистов, хотя жанр журналистики универсален... Во всех так называемых финно-угорских республиках (где финно-угры составляют меньшинство населения) РФ, равно как и в Венгрии, Эстонии и Финляндии, стали каждую осень праздновать Дни родственных народов, призванные подчеркнуть культурную общность финно-угров. Получалось, что культурная близость между народами России, которая складывалась веками, менее очевидна, чем между финнами, венграми, эстонцами, с одной стороны, и коми, карелами, удмуртами, марийцами, мордвой, хантами и манси – с другой.

Не менее показательны и идеологические конструкции татарского национального движения. Как и идеологи финно-угорского движения, татарские идеологи полагали, что национальные организации следует рассматривать как некую параллельную власть. Созданный в 1991 г. Милли Меджлис (а точнее, воссозданный, ибо первый подобный орган был сформирован в ноябре 1917 г.) был объявлен высшим представительным органом татарского народа, выполняющим эту функцию между Всетатарскими народными курултаями, и было заявлено, что он обладает правом отмены законов и указов президента Татарстана.

Идеологической платформой Милли Меджлиса стал разработанный с мая 1994 г. по начало 1996 г. документ, получивший название «Татарского канона» (принят 20 января 1996 г.). В «Татарском каноне» мир делится на три части: Запад, Восток и Евразию. В данном геополитическом трактате Запад (или «западная цивилизация», «иудаистско-христианский мир») оценивается как цивилизация, в основе которой лежит латинско-католический образ жизни. Восток опирается на мистико-трансцендентальные духовно-этнические ценности, на которых и базируется восточный образ жизни. Евразия (территория бывшего СССР) с точки зрения конфессиональной маркируется

как православно-исламское, а с точки зрения этнической – как тюрко-славянско-финно-угорское духовно-этническое пространство. Авторы «Татарского канона», признавая, что среди татар велика доля людей, ориентированных на Запад, признают «правоверными татарами» (кануни татар) только тех, кто живет, опираясь на «Коран, Сунну, Хадисы, законы шариата; на прошедшие вековую проверку обычаи и обряды тюрков»... Именно из таких татар и должны состоять органы национального управления, которые будут вырастать снизу, из глубин народа. А ориентация современного Татарстана и татар должна быть однозначной – тюрко-исламский мир. При этом радикалы рассматривают Канон как своеобразную «Конституцию татарского народа», т.е. основополагающий документ, фиксирующий политический выбор этнического сообщества [10].

Особая роль в консолидации татар, в формировании идеологии татарского движения и в культурном позиционировании татар принадлежит Всемирным татарским конгрессам. Конгрессы становятся своеобразным инструментом (одним из них) закрепления особого статуса Татарстана в рамках Российской Федерации, инструментом идеологического обоснования того, что «геополитические приоритеты Татарстана никак не могут выстраиваться в узких рамках русско-православной Евразии», что политические притязания его политической элиты требуют сохранения «особого акцента на общетюркские и мусульманские начала своей культуры и идентичности» [10, с. 90]. По мнению И. Мирсияпова, «"Всемирный конгресс татар" является вторым по своему значению центром после национального государства – Республики Татарстан, который выполняет фундаментальную консолидирующую роль в жизни всемирного татарства, является фактором роста национального самосознания и стремления к национальному единству» [13, с. 141].

Оценивая деятельность и сущность подобных конгрессов, директор Института этнологии и антропологии РАН В. Тишков заявил следующее: «Всемирные» этнические съезды, а также «казачьи круги» и прочее есть порождение ослабевшей государственной власти и кризиса гражданской идентичности. Это своего рода квазигосударственность, когда не хватает собственно государственности в строго гражданском понимании» [27].

Другой попыткой формирования квазигосударственных институтов является активно дискутировавшаяся активистами этнонациональных организаций малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока идея создания в России Парламента коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Идея такого парламента не получила поддержки в политических кругах России и трансформировалась в идею создания при Государственной Думе Общественной палаты по делам коренных малочисленных народов Российской Федерации [23].

Все вышеназванные организации так или иначе вычленяли народы, которые они представляли, из политического и культурного ландшафта России. Порой это было оговорено в идеологических конструкциях, порой сама логика политической деятельности данных организаций способствовала такому «вычленению».

И идеологическая дистрофия политической элиты России (ее этнополитическая близорукость), и усилия этнополитических организаций по этнической сегментации российского общества привели в итоге к кризису гражданской солидарности в стране и самой этнополитики.

Постсоветская этнополитика и этнополитические институты

За постсоветский период в федеральной и региональной государственной национальной политике (этнополитике) сложились три основных подхода, на основе которых формируется законодательная база и политические практики, призванные регулировать отношения между государством и этническими сообществами: *алармистский, лоялистский, интеграционистский*. В политической практике каждый из этих подходов имеет право на существование, но между ними необходимо было найти некий разумный баланс, который пока не найден. Анализ деятельности управленческих структур в субъектах РФ убеждает, что этнополитика в основе своей опирается только на два первых подхода.

Алармистский подход – это констатация угрозы сохранению культурной отличительности групп и разработка комплекса мер, призванных обеспечить сохранение культурных границ между группами с помощью различного рода мер, включая меры защиты

образа жизни, территорий традиционного природопользования, а также преференции, предоставляемые представителям этнических меньшинств, культивирование культурных отличий и культурных иерархий, способствующих, с одной стороны, сохранению культурной самобытности местных сообществ, но одновременно «работающих» на усиление культурных дистанций между культурными группами.

Лоялистский подход – это демонстрация лояльности власти и общества к культурному многообразию России и публичные формы пропаганды этого многообразия.

Интеграционистский подход опирается не на идею отличий, а на идею общности, а потому в его основе должны лежать механизмы, способствующие укреплению общероссийской идентичности и гражданской солидарности россиян.

Поскольку баланса между названными подходами в реальной политической практике до сих пор нет, постольку этнополитика на местах нередко выглядит не как долгосрочная и продуманная стратегия, а как своеобразная форма реагирования региональных властей на текущую ситуацию, на решение частных проблем, удовлетворение претензий, возникающих со стороны этнических антрепренеров и организаций. Подобное положение дел, с одной стороны, не позволяет реализовывать долгосрочные стратегии (в частности, стратегию формирования общероссийской идентичности), а с другой – дает основания радикально настроенным активистам этнонациональных движений утверждать (особенно в социальных сетях), что в России нет реальной государственной национальной политики.

При этом следует признать, что региональная этнополитика находится под значительным влиянием именно этнических антрепренеров, чьи интересы и намерения далеко не всегда совпадают с интересами общества и государства. Этнические антрепренеры в массе своей являются проповедниками алармистских идей, поскольку они рассматривают этнокультурные процессы, происходящие на территории проживания своих народов, не как естественное межкультурное взаимодействие, следствием которого становится формирование все более унифицированных форм поведения и культурного потребления, а не-

редко как культурный апокалипсис, итогом которого станет/становится «вымирание» народов [44]. В другом алармистском сценарии этнические сообщества, которым объективно не грозит ассимиляция, пытаются маркировать как народы-жертвы, в отношении которых допущена историческая несправедливость и которые должны получить за них экономические, политические и культурные «компенсации» [15].

Региональные политические институты и лидеры, конечно, не могут взять на себя ответственность за «вымирание народов», а поэтому они вынуждены поддаваться давлению этнических антрепренеров и плодить все более многочисленные фольклорные фестивали, создавать различные этнокультурные центры, декоративные этнические деревни и парки, спонсировать проведение многочисленных этнических съездов и конференций, демонстрируя лояльность титульным этническим группам (но реально лишь этническим антрепренерам) и изымая тем самым из бюджетов регионов ресурсы, которые с успехом можно было бы потратить на строительство новых школ в районах с компактным проживанием этнических меньшинств, на создание в этих же районах эффективных производств, на строительство жилья, т. е. на решение актуальных местных проблем.

Анализируя современную российскую этнополитику как таковую, важно учитывать и логику работы органов регионального управления. Во многих регионах созданы специальные ведомства, которые по своим функциональным обязанностям должны нести ответственность за реализацию государственной национальной политики. Для того чтобы отчитываться перед региональными властями и московскими кураторами, им *необходимо иллюстрировать свою деятельность перечнем конкретных мероприятий, осуществленных за отчетный период, – мероприятий зримых и очевидных*. При этом важно заметить, что кропотливая, последовательная, но малозаметная работа по формированию российской идентичности зримым достижением быть не может, а различные фольклорно-фестивальные мероприятия, часто демонстрирующие не столько многообразие культур, сколько культурную отличительность и культурные границы внутри российского социума, есть очень удобная форма отчета, которая удовлетворяет чиновников в регионах и федеральном центре. Бюро-

кратическая традиция заставляет не только «визуализировать» национальную политику, но и идеализировать характер межэтнических отношений в национальных республиках, что никак не помогает решать *наиболее сложные проблемы реальной этнополитики*.

Что относится к данным проблемам? Очевидно, что в числе таких следующие:

1. Профессиональный анализ этнокультурных и социально-экономических процессов на региональном уровне и принятие на основе этого анализа *комплекса управленческих решений*, обеспечивающих социальное благополучие местных культурных групп и исключаящих совмещение этнической топографии с топографией бедности и неблагополучия. 2. Мониторинг и профилактика межэтнической и межконфессиональной конфликтности. 3. Интеграция российских регионов в единое экономическое и политическое пространство, формирование российской *гражданской нации* как основы российской государственности с помощью целенаправленной интеграционной политики в центре и на местах. 4. Укрепление культуры толерантности, воспитание гражданской солидарности, формирование общероссийской идентичности. 5. Защита культурных прав граждан и удовлетворение их культурных интересов.

В региональных моделях этнополитики, а особенно в региональных политических практиках, как правило, нет четкой ориентации на решение названных проблем, хотя концептуальные документы в области государственной национальной политики во многих регионах и прежде всего в республиках официально утверждены.

В связи с этим возникает противоречивая ситуация: на общем доктринальном уровне есть понимание проблем этнокультурного развития страны и ее регионов, сформулированы стратегические цели в области этнополитики, а общественная практика демонстрирует устойчивое *воспроизводство ксенофобских и интолерантных настроений* в местных сообществах, а нередко и усиление межэтнической конфликтности (чаще всего латентной). Свидетельством неблагополучия в области регулирования отношений между этническими группами являются события, которые имели место в городе Кондопоге в Республике Карелия, городе Пугачеве в Саратовской области, на Манежной площади Москвы, в московском районе Бирюлево и многих

других местах. При наличии сформированной в последние годы серьезной законодательной базы, институтов, отвечающих за реализацию этнополитики, общего понимания значимости этого направления у политического руководства страны, межэтнические конфликты не только не предотвращаются, но, наоборот, приобретают системный характер. Возникает закономерный вопрос: с чем это связано, насколько эффективно действуют региональные институты этнополитики?

Эффективность таких институтов можно продемонстрировать, если отвлечься от политических концепций и формальных программ «совершенствования межнациональных отношений» и обратиться к рассмотрению конкретных ситуаций, которые требуют оперативного вмешательства институтов этнополитики, принятия действенных решений, которые бы позволяли разрешать имеющиеся проблемы и снижать потенциал конфликтности как на местном, так и на общерегиональном уровнях. Здесь у нас нет места для глубокого анализа подобных ситуаций, поэтому мы сошлемся на наши последние публикации, в которых подобный анализ присутствует. Этот анализ показывает, что ни оперативности, ни глубины понимания как конфликтных ситуаций, так и очевидных проблем, которые стоят перед культурными группами, у чиновников, которые сегодня заняты реализацией региональной этнополитики и из которых формируются региональные институты этнополитики, нет [42; 46; 47; 48]. Кадры этих институтов плохо подготовлены для реализации этнополитики, а сами они являются некими неустойчивыми и часто неконсолидированными структурами, о чем свидетельствует опыт их функционирования в России.

Становление современных институтов этнополитики в РФ

Проблема формирования моделей этнополитики, создания механизмов их реализации и институтов, которые будут формировать и совершенствовать эти механизмы, стала очевидной еще в конце 1980-начале 1990-х гг., когда на политическую арену вышли многочисленные этнополитические организации, объявившие о стремлении к «возрождению» народов, интересы которых они намеревались отстаивать. Как на федеральном, так и на региональном уровнях нача-

лось формирование неких управленческих структур, сферой ответственности которых должна была быть региональная этнополитика.

В 1989 г. в структуре российского правительства был образован Государственный комитет по национальным вопросам, переименованный в 1990 г. в Государственный комитет по делам национальностей, а в 1991 г. – в Государственный комитет по национальной политике (с марта 1993 г. – Государственный комитет по делам Федерации и национальностей). В январе 1994 г. комитет был преобразован в Министерство Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике (Миннац РФ). В 2001 г. Миннац был упразднен. С декабря 2001 г. по март 2004 г. министром («без портфеля») по вопросам межнациональных отношений был В.Ю. Зорин. В 2004 г. вопросы межнациональных отношений были переданы в Министерство регионального развития Российской Федерации, в котором образован специальный департамент [29]. Наконец в сентябре 2014 г. Минрегионразвития был упразднен, а функции регулирования межнациональных отношений переданы в Минкультуры.

Аналогичные федеральным управленческим структурам, что вполне логично, еще ранее стали появляться в российских республиках. Так, в 1991 г. был создан Комитет по национальной политике и межнациональным отношениям при Совете министров Республики Карелия, в 1993 г. был создан Государственный комитет по делам национальностей в структуре правительства Коми, в 1995 г. Комитет по делам национальностей появился в Удмуртии и в структуре правительства Мордовии. В Республике Марий Эл, как и во многих других регионах, департамент по делам национальностей был создан в составе Министерства культуры, а само это Министерство стало именоваться Министерством культуры и по делам национальностей. В Башкирии нет специального министерства, а государственную национальную политику курирует управление общественно-политического развития администрации Главы РБ.

В областях институты этнополитики начали возникать позднее и, как правило, не являлись самостоятельными структурами.

На пике активности этнонациональных движений в 1990-е гг. статус и значение институтов этнополитики постепенно повышался.

Так, в Коми Комитет по делам национальностей был преобразован в Министерство национальной политики.

Инициировавшие создание региональных институтов этнополитики этнонациональные движения и организации выступали в качестве основных контрагентов данных институтов, и не случайно при Министерствах в национальных республиках и при областных администрациях создаются Советы национально-культурных автономий и объединений. В Коми при Министерстве национальной политики такой совет был создан в 1997 г.

В Архангельской области, к примеру, Совет национальностей Архангельской области, объединяющий представителей 13 национально-культурных автономий, был сформирован в 1999 г. Главной его целью являлась организация межкультурного диалога. Совет выступает организатором и координатором таких мероприятий и акций, как визиты официальных представителей бывших республик СССР в Архангельск, фестивали музыки композиторов зарубежных стран, национальные праздники (например, еврейский Суккот, татарский Сабантуй и др.). При его содействии в 2008 г. открылся еврейский общинный центр, в 2010 г. заложен первый камень под строительство синагоги, а мусульмане Архангельска добились возвращения в собственность исторического здания мечети. С 2009 года при поддержке Правительства Архангельской области проводятся Межнациональные форумы. Но, как правило, названные форумы носят сугубо декоративный, формальный характер и не оказывают влияния на культуру повседневной толерантности. Примером может служить хотя бы факт выселения из Архангельска группы цыган, прибывших туда из Волгограда и построивших на окраине города полтора десятка домов. При поддержке мэра города в 2006 г. начался сбор средств на организацию выселения. Это движение поддержали местные депутаты, общественность, а голосов протеста не раздавалось. В том числе и из уст лидеров национально-культурных автономий [37, с. 15–16].

Институты этнополитики, активно участвующие в официально одобренных акциях, нередко самоустраиваются от участия в разрешении действительно сложных межэтнических коллизий или местных проблем, связанных с решением насущных вопросов, влияющих на жизнь локальных культурных групп. Подобная ситуация во многом

связана с неформальным характером компетенций и сферой ответственности институтов этнополитики.

Сфера компетенции и организационная структура

Ссылаясь на Концепцию государственной национальной политики 1996 г. и «Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации...» [25], принятую в 2012 г., можно утверждать, что сфера компетенций институтов этнополитики должна быть довольно широкой. Однако практика показывает, что в сфере компетенции региональных институтов этнополитики оказалось именно взаимодействие с национальными объединениями, организация различных фольклорно-фестивальных мероприятий, конференций довольно узкая сфера деятельности, связанная прежде всего с культурным развитием и образованием или теми областями, которые являются объектами управления региональных департаментов культуры и образования, т. е. возникло дублирование функций управленческих структур.

Сами же институты этнополитики часто не выделены в самостоятельные структуры, не имели достаточных финансовых ресурсов, не определили четко сферу своих компетенций и функций.

Так, в Архангельской области проблемами национальной политики занимается Министерство по развитию местного самоуправления, курируемое заместителем губернатора по региональной политике. Хотя оно создает различные целевые программы, но не обладает ни квалифицированными кадрами в сфере этнополитики, ни достаточными финансовыми ресурсами, а его деятельность не опирается на ясную и глубоко обоснованную стратегию региональной национальной политики. В Ненецком автономном округе этнополитика «разорвана» двумя ведомствами – Управлением коренных малочисленных народов Севера и Управлением внутренней политики. В Пермском крае создано специальное Министерство по делам Коми-Пермяцкого округа, которое решает все вопросы, связанные с его развитием. Но, собственно, этнополитикой ведает Отдел этнокультурной политики, само название которого вполне определенно свидетельствует о довольно узкой направленности его деятельности.

В Мурманской области обеспечением защиты прав коренных малочисленных народов, проблемами их социально-экономического развития занимается с 2010 г. Комитет по взаимодействию с общественными организациями и делам молодежи Мурманской области, а в 2011 г. в дополнение к нему создана рабочая группа по вопросам гармонизации межэтнических отношений при правительстве области. С 2009 г. действует Совет по коренным малочисленным народам Севера при областном правительстве.

В Вологодской области с 2012 г. делами общественных объединений, в том числе национально-культурных автономий, ведает Департамент внутренней политики правительства области.

В Кировской области развитием национальных культур и поддержкой национально-культурных автономий занимается Департамент культуры.

В других российских областях, краях с институтами этнополитики (которые однозначно маркировать подобным образом не всегда корректно) ситуация сходная.

Помимо организационного многообразия институтов региональной этнополитики следует отметить еще и неустойчивость форм названных институций, о чем можно судить как по федеральным учреждениям, так и по региональным. Так, к примеру, институт этнополитики в Коми прошел сложный путь эволюции от Комитета до самостоятельного Министерства, которое в 2005 г. было упразднено, а функции руководства этнополитикой были переданы Министерству культуры, в составе которого был организован специальный отдел. Но в 2007 г. Министерство национальной политики было образовано вновь и существует до сих пор. Республика Коми в этом отношении не одинока, поскольку институты этнополитики не отличаются устойчивой организационной структурой и в других регионах, к примеру в Мордовии.

Организационное многообразие и неустойчивость самих институтов этнополитики часто сопровождается не только ограниченностью финансовых ресурсов, находящихся в их ведении, но еще и ограниченностью и неопределенностью их функций именно как институтов этнополитики.

К примеру, когда в 2007 г. в Коми воссоздавалось Министерство национальной политики, было утверждено новое положение о министерстве, которое определяло его функции и сферу компетенций. Стоит заметить, что к этому времени был накоплен уже довольно большой опыт региональной этнополитики, который позволял адекватно определить круг функций и задач, которые предстояло решать воссоздаваемому министерству. В названном положении перечислено большое количество функций, включая технику безопасности, гражданскую оборону, награждение граждан, взаимодействие с международными организациями в сфере национальных отношений, содействие культурно-языковой адаптации мигрантов, содействие мероприятиям, направленным на поддержку традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера и т. д. [39, с. 65-67]. Но как сами названные функции выглядели крайне неопределенно, так и их перечень явно не соответствовал актуальным проблемам этнополитики. В числе функций отсутствовали такие важные направления деятельности, как межведомственная координация в реализации государственной национальной политики, ибо очевидно, что этнополитика не может реализовываться силами и средствами одного министерства и по сути своей она является сложной комплексной задачей. Нет в числе функций и такого важного направления, как проведение целенаправленной политики, нацеленной на формирование общероссийской идентичности и укрепление российской *гражданской нации*, которая должна стать важнейшей составляющей в деятельности институтов этнополитики, поскольку укрепление гражданской солидарности и гражданских ценностей объективно ведет к снижению рисков межэтнического и межконфессионального противостояния. Нет и еще одной ключевой функции, связанной с анализом этнокультурных и социально-экономических процессов на региональном уровне, – осуществление на основе этого анализа комплекса управленческих решений, обеспечивающих социальное благополучие местных культурных групп. Это функция, связанная с созданием условий на местном уровне для воспитания культуры толерантности и гражданского согласия, т. е. функция обеспечения межкультурного диалога на личностном уровне (а не на уровне формальных и не имеющих серьезной общественной поддержки этнических организаций). Для реализации подоб-

ной функции необходимо тесно взаимодействовать со СМИ в целях продвижения социальной рекламы, работающей на пропаганду повседневной толерантности, с органами образования, для создания школьных программ по обучению и воспитанию толерантных форм взаимоотношений в полиэтнических и поликонфессиональных коллективах и т.д.

Стоит заметить, что не только в Коми, но и в других субъектах РФ функции институтов этнополитики не вполне адекватны тем задачам, которые эти институты ДОЛЖНЫ решать.

Политические практики

Многочисленные конфликтные ситуации, которые имеют место в России в сфере межэтнического взаимодействия, различные сложные коллизии, связанные с реальными проблемами, напрямую затрагивающими жизнедеятельность различных этнических групп, характерны тем, что очень часто участия в их разрешении региональные институты этнополитики, как сказано выше, не принимают. Более того, многие названные проблемы оказываются вообще вне зоны внимания данных институтов.

Тот факт, что зачастую реальные проблемы, касающиеся благополучия местных культурных сообществ, выпадают из сферы внимания региональных институтов этнополитики, отчасти связан с недостаточным уровнем профессиональной подготовки их сотрудников, большинство из которых не только не осваивали курсы этнополитологии, этнологии, конфликтологии, социологии управления в вузах, но и не обучались в рамках подготовки и переподготовки управленческих кадров. Однако выход из подобной ситуации довольно прост.

Очевидно, что компенсировать названный выше недостаток кадрового состава институтов этнополитики можно за счет привлечения к деятельности данных институтов компетентных экспертов. И во многих регионах практика привлечения экспертов существует. Но проблема в том, что экспертные советы при институтах этнополитики и привлекаемые в них эксперты не всегда способны выполнять роль независимой экспертизы, поскольку нередко формируются из активистов НКА и других этнических организаций или из ангажированных

специалистов, т.е. людей, главная забота которых – поддержание культурных отличий, а не последовательная работа на благо гражданской интеграции.

И это тоже не случайно, поскольку плохо подготовленные для реализации этнополитики чиновники нередко понимают этнополитику весьма узко: как официальное содействие постоянной демонстрации культурной отличительности групп (в этой связи интеграционная политика просто выпадает из их поля зрения), культурного многообразия того или иного региона. Очевидными партнерами в подобных акциях выступают этнические антрепренеры, которых не только включают в состав экспертных советов, но и инкорпорируют в институты этнополитики, в региональные властные структуры. Такая ситуация связана с устойчивым стереотипом восприятия государственной национальной политики как политики, ориентированной исключительно на удовлетворение нужд миноритарных культурных групп или титульных этносов, именем которых названа та или иная республика. Так, в программе движения «Марий ушем», принятой еще в апреле 1992 г., не только говорилось о необходимости сформировать одну из палат республиканского парламента исключительно из марийцев, но и предлагалось создать «Государственный комитет марийского народа на правах министерства со своими структурными подразделениями в городах и районах республики» [22, с. 227]. Но не только этнические антрепренеры настаивают на том, чтобы сферой первоочередного внимания региональных властей должны становиться интересы не всех этнических групп населения того или иного региона, а только лишь избранных, или «главных», народов, но и сами чиновники на местах находятся в плену этого опасного заблуждения. Названный подход к формированию этнополитики искажает саму ее суть и не только делает ее этноцентричной, но и позволяет говорить о ее расиализации.

***Кадровое и экспертное обеспечение деятельности
институтов этнополитики***

Как формируются кадры институтов этнополитики? Очевидно, что кадровое обеспечение есть серьезная проблема, которая на сегодняшний день не разрешена. Начнем с того, что в такой полиэтничной и поликультурной стране, как Россия, до сих пор нет развернутой системы этнокультурного и этнополитического просвещения населения. Культурное многообразие страны не находит отражение в школьных программах, а необходимость упрочивать общероссийскую идентичность, гражданское сознание и гражданское согласие не привело к повсеместному внедрению в практику школьного обучения уроков граждановедения, как это имеет место во Франции [31]. Нет в школах и столь необходимых уроков толерантности, которые бы помогли понимать и правильно воспринимать отличия между этническими, религиозными и расовыми группами населения страны, воспринимать представителей всех культурно отличных групп именно как сограждан, а не как носителей «чуждых» культурных традиций. При этом в школьных программах есть региональный компонент, в ряде регионов проводятся уроки этнопедагогики, которые на практике превращаются в своего рода факультативы по этноцентризму, поскольку освещают не культурное многообразие регионов и исторически сформировавшиеся культурные связи между разными этническими группами, а знакомят преимущественно с культурой «коренного»/титульного народа, а историческое прошлое интерпретируют в духе этнического романтизма.

Показательно, что в университетах страны, даже на факультетах гуманитарных и социальных наук, в учебной программе нет не только этнологии, но и этнополитологии, хотя в такой стране, как Россия, остро необходимо распространение этнологических и этнополитологических знаний. Даже на кафедрах политологии этнополитические курсы значатся не как профильные дисциплины, а как курсы по выбору, хотя в последние годы подготовлено довольно много учебников этнополитологии для высшей школы [40, 43]. Но очевидно, что определенным минимумом этнологических и этнополитических знаний должны обладать не только гуманитарии, но и студенты инженерных вузов и институтов, где ведется подготовка специалистов для служб

социального сервиса, ибо им придется работать в сложных коллективах и взаимодействовать с представителями разных культурных традиций. В региональных академиях государственной службы ситуация аналогичная, а если там и ведут некие этнополитические курсы, то их качество вызывает сомнения.

В связи с этим в региональных институтах этнополитики очевиден дефицит специалистов с хорошей этнологической и этнополитической подготовкой. Названный дефицит неизбежно ведет к тому, что этнополитика воспринимается в ее самом упрощенном вульгарном варианте, т.е. как демонстрация культурного многообразия региона через различные фольклорно-фестивальные мероприятия и поддержку этнических организаций, главной заботой лидеров которых является сохранение культурной отличительности группы.

К чему в итоге приводит подобная практика, которая довольно широко распространена?

Фактически она ведет к тому, что региональные власти оказываются в ловушке имитационной этнополитики. С одной стороны, в результате союза с этническими антрепренерами обеспечивается зависимость этнических лидеров и возглавляемых ими организаций от региональных властей и их лояльность, но с другой – административная и финансовая поддержка властей делают этнические организации органической частью политического дизайна российских регионов, а сама этнополитика вместо однозначной ориентации на интересы общества и государства (и, как следствие, на укрепление общероссийской идентичности) в большей мере ориентируется на удовлетворение интересов отдельных этнических групп и их лидеров (т. е., по существу, на усиленное воспроизводство культурной отличительности и ослабление интеграционных тенденций в российском обществе). Следствием избранной тактики становится не столько политическое обуздание радикального этнонационализма, сколько этнизация региональной политики и все возрастающая нечувствительность региональных политических лидеров к этнонационализму и культурному расизму, к практике конструирования культурных границ внутри российского социума.

Многие местные эксперты, правда, выступают в нескольких социальных качествах: они имеют статус исследователя (преподавате-

ля), одновременно являются активистами или членами этнических организаций, часто имеют опыт деятельности в местных органах власти. Совокупность этих качеств позволяет представлять их в качестве экспертов, но очевидно, что говорить о непредвзятости (неангажированности) оценок и заключений подобных экспертов не приходится.

Так, в Коми-Пермяцком округе местные исследователи заявили, что 86 % опрошенных ими жителей выступают за обучение детей коми-пермяцкому языку (восемь лет), в то время как наши данные и простые наблюдения свидетельствуют о совсем других культурных ориентациях местного населения, и поэтому не случайно, что процессы деэтнизации стали устойчивой тенденцией в регионе [20; 47].

В Республике Коми местное Министерство национальной политики также склонно привлекать в качестве экспертов этнических антрепренеров и слабо подготовленных специалистов, которые, однако, тесно связаны с этническими движениями. Им поручается проведение исследований, характеризующих языковую ситуацию в республике, итоги которых вызывают вполне обоснованные сомнения [41]. А в последнее время, когда Министерство образования республики ввело практику обязательного обучения коми языку во всех школах республики начиная с начальных классов (нарушив тем самым нормы российского законодательства), что спровоцировало обращения в Верховный и Конституционный суды, отправку открытых писем в адрес Главы РК и Государственного совета. Им вновь поручается проведение опросов, результаты которых трактуются таким образом, что большинство родителей поддерживает принятые меры, хотя корректно проведенные социологические исследования опровергают подобные выводы [45].

То же самое можно сказать и о мониторинге межэтнической напряженности, о необходимости организации которого подчеркнуто в «Стратегии государственной национальной политики». В ряде регионов мониторинг проводится регулярно и с привлечением действительно квалифицированных специалистов, в других он отсутствует вовсе или осуществляется эпизодически, в некоторых он имитируется. Порой, как, к примеру, в Коми, его проведение поручается тем же самым этническим активистам или специалистам, ангажированным этническими движениями, что превращает этнонациональные органи-

зации из объектов в субъекты государственной национальной политики. *Этнические антрепренеры сами начинают определять интересы государства и стратегию региональной национальной политики*, из которой в таких случаях, как правило, задачи нациестроительства и укрепления гражданской солидарности россиян просто выпадают.

Предмет этнополитологии и конкурирующие модели учебного курса

Надо отдать должное российскому экспертному сообществу, которое вовремя осознало как необходимость серьезного этнополитологического анализа российских реалий, так и необходимость этнополитического образования. Очевидная потребность в системном изложении этнополитологических знаний, в критическом освещении проблем этнополитики привела к активизации усилий ученых, направленных на познание этнополитических процессов и явлений, а они, в свою очередь, способствовали тому, что отечественные исследователи стали предлагать различные варианты учебного курса этнополитологии, первый из которых был апробирован в Московском государственном университете. Можно, конечно, отдать первенство во внедрении основ этнополитологии в учебный процесс и Санкт-Петербургскому университету, поскольку там еще в 1995 г. на кафедре культурной антропологии и этнической социологии (создана в 1993 г.) в рамках курса социальной антропологии в качестве спецкурса по выбору начала преподаваться политическая антропология, которая с 1997 г. стала обязательным предметом, но все же и объект, и предметная область политической антропологии уже, нежели у этнополитологии (этнополитология тоже преподается ныне в Санкт-Петербургском университете).

Согласно определению, которое приведено в одном из известных социологических словарей, «политическая антропология (*political anthropology*) – часть социальной антропологии, изучающая *политический процесс* и политические учреждения в *простых обществах*» [9, с. 39]. Эти общества называют еще сегментированными и безгосударственными. Несомненно, что такие

общества требуют изучения и оно должно составлять особую область научного знания в силу самой специфичности объекта изучения.

Не может рассматриваться этнополитология ни как часть социально-культурной антропологии или этнологии, ни как особая предметная область политологии. В самом общем плане социальная/культурная антропология и этнология имеют один и тот же предмет изучения – этнические культуры [2; 49], хотя в российской традиции, например, принято считать, что этнология изучает этносы во всем многообразии проявлений их культурной и общественной жизни и под этносами понимает любые культурные сообщества, а западная социальная антропология вообще не использует категорию «этнос» и сосредоточивает внимание в основном на изучении социальной организации доиндустриальных обществ, культурная же антропология изучает культуру этих сообществ, её деятельностный аспект. Сегодня предметная область социальной/культурной антропологии существенно расширилась и разница между западными и отечественными исследователями заметна лишь в методологических подходах к анализу природы этничности, но и она стремительно стирается.

Что касается политологии, то ее предметная область, как известно, связана с изучением политической жизни, определением форм, задач, типов, видов политической деятельности.

Политические сообщества, институты и этнические сообщества по-разному организованы, и функции этих сообществ различны. Поэтому очевидно, что этнополитология как дисциплина носит пограничный характер и целью этнополитологов является выяснение того, где и как этничность «пересекается» с политикой, каковы формы политизации этничности.

Среди отечественных авторов нет единого мнения по поводу предмета этнополитологии.

Отчасти это связано с тем, что этнополитологической проблематикой занимаются специалисты из разных областей знаний, а отчасти с тем, что методологические подходы к анализу природы этничности у ученых различны. Не менее важно и то, что далеко не все авторы имеют реальный опыт изучения собственно этнических явлений, многие обладают опытом общения с этническими антрепренерами и

опытом дискуссий с ними, мало кто основательно знаком с тем, как на практике функционируют этнополитические организации, далеко не все основательно проанализировали все многообразие мирового опыта этнополитики. Поэтому не случайно, что в предмет этнополитологии пытаются включить и юридическую антропологию, и политическую философию, и историческую этнологию, и предметные области других дисциплин.

На наш взгляд, *предметом этнополитологии являются источники, побудительные мотивы и закономерности формирования этнонациональной политики, формы и механизмы ее реализации, идеология и практика этнополитических движений, этнополитические ориентации населения и формы их практических выражений.*

Более коротко *предмет этнополитологии – изучение политических функций этничности, условий и стимулов, которые превращают этничность в политический ресурс.* А объектом этой дисциплины являются этнические группы, находящиеся в политическом взаимодействии с государством и другими группами.

Помимо разной трактовки предмета этнополитологии, теоретики этнополитологии имеют и существенные различия в моделях построения курса.

Мы полагаем, что в принципе все предлагаемые учебники, учебные пособия и электронные версии курса можно свести к двум конкурирующим моделям.

Первая модель целиком строится на основе дискурса *этничность и национализм*. При этом сторонники данного подхода полагают, что этничность носит «устойчивый, надситуационный характер», хотя такой характер по идее должен ограничивать возможности политического манипулирования этничностью. В этом ключе написаны учебники В. Ачкасова, Р. Абдулатипова, В.Тураева, В. Кирдяшова [1; 3; 11; 30; 29].

Вторая модель основывается на представлении этничности *в качестве специфического политического ресурса*, а общая парадигма курса строится исходя из понимания этничности как социального конструкта, что позволяет «встраивать» этничность в самые разные сферы политической жизни. В таком ключе строится учебный курс

Московского университета, учебные пособия Н. Мухаметшиной, Ю. Шабаева и А. Садохина [14; 15; 29].

Сторонники первой модели так или иначе настаивают на том, что этничность служит *основанием* для получения власти, обретения политического статуса этнической группой, сторонники второй полагают, что этничность есть всего лишь *инструмент*, с помощью которого обретаются власть и статус, ведется борьба за ресурсы и осуществляется культурная конкуренция.

Рассматривая этничность как одно из константных и первичных состояний социальных систем, приверженцы этого подхода полагают, что такое видение этничности требует усиленного государственного вмешательства в дела этнических групп, государственного патронажа над этническими сообществами. Но если этничность столь органична и устойчива, как ее пытаются представить, то тогда непонятно, зачем необходима массивированная государственная поддержка этничности: придание государственного статуса языкам титульных этнических групп, этнизация системы школьного образования и обеспечение этого процесса государственным финансированием, государственная поддержка культур этнических меньшинств, создание гарантий политического представительства для миноритарных групп, формирование системы правовой поддержки этнических сообществ.

Здесь имеется явное логическое противоречие, которое указывает, что этничность нуждается в государственной поддержке именно потому, что сама по себе неустойчива и без мощных «подпорок» со стороны государства часто существовать не может, а этнические группы имеют «склонность» интегрироваться в гражданские сообщества, утрачивая этничность. Не случайно во время переписи населения РФ в 2002 г. 1,5 миллиона человек не смогли определить свою этническую принадлежность [18], а во время переписи 2010 г. эта доля выросла втрое.

Собственно, и сам опыт национально-государственного строительства в России показывает, что этничность может весьма успешно конструироваться с помощью государства. Молдавская, азербайджанская, узбекская, казахская идентичности создавались, по существу, «сверху» – с помощью государства. Государство создавало для творимых им же этнических общностей и административные границы, и

культурные институты, и сами этнонимы, т. е. названия этнических сообществ. Так, из более десятка этнических групп была сформирована никогда прежде не существовавшая этническая общность «алтайцев» [31], тем же путем были созданы «хакасы».

Наоборот, адыги были разделены на карачаевцев, балкарцев и собственно адыгов со своими отдельными национально-государственными образованиями. Коми и коми-пермяки, также имевшие единый этноним «коми» и говорящие, собственно, на одном языке (на разных его наречиях), были разделены на два анклава (Коми АССР и Коми-Пермяцкий национальный округ), в результате чего сформировались две новые этнические группы [33].

Процессы этнической фрагментации, реидентификации и конструирования этничности в последние годы протекали весьма активно на территории России, и главную роль в интенсификации этих процессов сыграла деятельность этнических антрепренеров, которые ставили перед собой вполне конкретные политические цели. Так, активисты эрзянских этнополитических организаций уже не один год заявляют, что «мордва – это миф» и есть два самостоятельных народа – эрзя и мокша, а потому надо разделить Мордовию на два автономных округа – Эрзянский и Мокшанский – со своими политическими и культурными институтами. И их агитация приносит свои плоды, ибо значительная часть мордвы в Мордовии определяет свою этническую принадлежность с помощью названных субэтнических определителей. Архангелогородская политическая и интеллектуальная элита, недовольная своим статусом и социально-экономическим положением Архангельской области, призывает создать Поморско-Ненецкую республику, в состав которой вошли бы экономически более успешные соседние регионы, а титульным населением которой явились бы поморы. В результате поморы как этническая общность вновь появляются в перечне народов России, а идеологи поморского движения заявляют, что поморы – это не субэтнос русского народа, а самостоятельное этническое сообщество, причем его нельзя даже считать славянским, ибо субстратная основа поморов – финно-угры, хотя в последние годы риторика поморских активистов резко изменилась из-за давления на них со стороны властей и русских националистов. В Республике Коми о своем желании получить статус коренного малочис-

ленного народа Севера заявили ижемцы – самая северная группа коми, еще ранее такого статуса добились бесермяне, которых долгое время отождествляли с удмуртами [37]. Если же говорить об индивидуальном уровне, то примеры смены этнической принадлежности отдельными индивидами или группами лиц весьма многочисленны и неоднократно описаны западными социальными антропологами и российскими этнологами.

Важно, однако, подчеркнуть, что концептуальные различия курсов «Этнополитологии», конечно, сказались на выборе авторами ключевых проблем *этнополитологического дискурса*. Но все авторы уделяют значительное внимание раскрытию таких тем, как этничность и власть, этничность и государство, этничность и право. Очень основательно анализируются принципы этнонациональной политики, которыми руководствуются российские власти в своей практической деятельности; все авторы критически рассматривают политическую практику этнонациональных движений в России и идейные позиции их лидеров.

Хотя все названные курсы подготовлены известными и квалифицированными исследователями, ни один из них не лишен существенных недостатков, что заставило нас, обобщив содержание названных курсов и пристальнее оценив «идеологический багаж» современных этнических антрепренеров, выстроить существенно обновленную модель курса этнополитологии, которая и используется при чтении названного курса.

Прежде всего, мы по-иному оценили цели и задачи дисциплины, полагая, что ориентироваться на то понимание, которое было свойственно ученым, когда происходило формирование основ дисциплины, в условиях углубления культурной глобализации и становления гражданского общества в России не вполне корректно.

Истоки дисциплины и ее место в системе обществоведческого знания

Можно говорить, что этнополитология является «новой» и «молодой» научной и учебной дисциплиной и ее возникновение спровоцировано так называемым этническим парадоксом современности, «взрывом этничности», суть которых в том, что в условиях глобали-

зирующегося мира происходит резкая актуализация этничности, причем эта актуализация заставляет ставить под вопрос возможность выживания как некой целостности самых разных стран: России, США, Индии, Бельгии, Великобритании, Испании, Украины и т.д.

Вместе с тем истоки этнополитологии можно обнаружить еще в Древнем Риме и Византии, где велось целенаправленное изучение народов, с которыми эти империи вступали в политические связи и отношения.

Второй этап становления этнополитологии как дисциплины связан с колониальной экспансией мировых держав в Новое время. Корифеи социальной антропологии К. Леви-Строс, Б. Малиновский, А. Радклифф-Браун, Э. Эванс-Притчард отмечали необходимость изучения механизмов управления в туземных обществах, актуальность познания особенностей политических систем, сформировавшихся в колониальных странах еще до прихода туда европейцев. Британский антрополог Э. Тейлор оценивал антропологию как «политическую науку», а его соотечественник Норкот Томас впервые использовал антропологические материалы в 1908 г. для организации так называемого косвенного управления британскими владениями в Нигерии. В ряде британских колониальных владений даже была введена должность правительственного антрополога [50].

Но особая роль в формировании этнополитологии принадлежит не социальным антропологам и этнологам, а политическим идеологам. В числе первых этнополитических концепций, вероятно, следует назвать идею национально-культурной автономии, разработанной австрийскими социал-демократами Отто Бауэром и Карлом Реннером еще в начале XX столетия [4]. Некоторые современные исследователи полагают, что именно в их работах впервые был создан концепт мультинации, который в последней трети XX в. стал основой этнонациональной политики в целом ряде развитых демократических государств. На наш взгляд, наиболее важную роль в становлении этнополитологии как науки сыграли масштабные политические перемены, которые стали итогом двух мировых войн, но, пожалуй, наибольшее значение на становление науки оказали процессы нациестроительства в бывших колониях и формирование *трех основных моделей этнополитики* (обычно называют две), которые во второй половине XX в.

конкурировали во внутренней политике многих стран: политика исключения, ассимиляторская модель и мультикультурализм.

Первая же серьезная попытка дать систематизированное представление об этнополитике и изложить некие принципы этнополитологии была сделана американским политологом Дж. Родшильдом, который в 1981 г. опубликовал книгу «Этнополитика», хотя в числе основоположников называют и много других имен. Он в общем виде описал процесс политизации этничности. В его понимании суть этого процесса состоит в превращении этничности из сугубо психологического, культурного или социального фактора «в собственно *политическую силу* с целью изменения или стабилизации сложившихся в обществе конкретных систем неравенства среди этнических групп» [53, р. 2]. В названной работе, которая стала своеобразным рубежом в процессе кристаллизации этнополитологических воззрений, Родшильд предложил свою типологию полиэтничных государств, показал роль статуса этнической группы во внутривнутриполитической жизни страны, указал, что происходящие в обществе изменения привели к политизации этнических групп и этничности, ввел эти понятия в политологический дискурс. В результате понятие этничности превратилось из сугубо культурологического в политическое, а на стыке этнологии и политологии сформировалась этнополитология.

Сущность новой дисциплины

В основе нашего подхода к анализу этнополитологической проблематики лежит высказанная Родшильдом идея о конвертации такого культурного явления, как этничность, в политическую силу. При этом мы строили курс, ориентируясь в основном на те политические, юридические и социальные коллизии, которые возникают при реализации этнополитики на практике. Мы полагаем, что этнополитология – это не столько теоретическая дисциплина, сколько прикладная, а потому ее методы ориентированы на конструктивно-прикладное осмысление этнополитических реалий.

В связи с этим мы видим важнейшую цель данной научной дисциплины не в изучении деятельности государства и «правлящих центральных и региональных элит», связанной «с участием в этнополи-

тических процессах» [3, с. 5], не в анализе форм «политического самоопределения, поведения, взаимодействия этнических групп» [12, с. 8] и не в «политической социализации этносов» [1, с. 16]), а в первую очередь в решении принципиального вопроса о *пределах политизации этничности* в общегражданском пространстве современного национального государства.

Главный смысл нашего подхода состоял в том, чтобы проанализировать этничность как *политический ресурс*, и не случайно ключевая тема курса и отдельная глава нашего учебника посвящены именно этой проблеме. Сходного подхода придерживается Н. Мухаметшина, у которой один из двух разделов написанного ею учебного пособия носит название «Этничность как политический и социальный ресурс» (состоит из трех глав).

При этом этничность может рассматриваться: как ресурс общенационального (общегосударственного) значения, когда политиками берется на вооружение концепция нации-этноса, а не нации-полиса; как региональный политический ресурс, когда ведется борьба за политический статус отдельной этнической группы или отстаивается ее особое положение в территориальном сообществе; локальный и индивидуальный политический ресурс, когда этнополитическая организация на местном уровне борется за политическое влияние или когда в конкурентной политической борьбе этническая принадлежность кандидатов на оспариваемые должности приобретает значение политического маркера. Однако далеко не все исследователи считают возможным рассматривать этничность как самостоятельный политический ресурс, полагая, что в конечном счёте борьба между политическими акторами ведется за политическое господство, а как эти акторы организованы, не имеет принципиального значения.

Наши позиции не всегда совпадают с предлагаемыми другими авторами оценками и по целому ряду других принципиальных вопросов. В частности, мы не согласны со специалистами в области права, политологии и социальной антропологии, которые говорят о «проблеме меньшинств». Мы полагаем, что нет проблемы меньшинств, а есть неправильное понимание многими специалистами политической роли меньшинств. Не сами меньшинства создают угрозы социальной стабильности, а этнические антрепренеры, которые политизируют си-

туацию меньшинства. Сама ситуация меньшинства – это политическая проблема, ибо она определяется не соотношением численности этнических групп, а их статусами (в так называемых национальных республиках России в положении меньшинства оказываются нередко все нетитульные этнические группы, составляющие, как правило, большинство по отношению к «коренному этносу»).

Более того, на наш взгляд, объективно наличие значительного количества этнических групп, которые принято относить к меньшинствам, ведет к *упрочению* государственных устоев. Меньшинства в силу того, что оказываются в невыгодном положении при конкуренции языков и культур по отношению к доминантным группам, вынуждены искать защиты и поддержки со стороны государства. Поэтому они заинтересованы в сильном государстве, в эффективных государственных институтах. Наличие большого количества меньшинств, которые группируются по культурным или социальным параметрам, тоже является фактором, укрепляющим внутренние связи в государстве. Эти меньшинства мы называем корпоративными, ибо им легче вести диалог с государством, кооперируя усилия. Основой для кооперации могут быть лингвистические (языковые семьи), культурно-хозяйственные (народы Севера) или иные особенности групп. Тем самым развиваются и укрепляются горизонтальные связи между различными группами, что также способствует упрочению внутренней стабильности.

Опасность представляет ситуация, когда культурное меньшинство превращается в политическое меньшинство, т. е. когда оно обретает некий политический статус и получает право претендовать на политическое доминирование, распределение ресурсов, когда возникает ситуация политического противостояния с государством и другими группами. В этом смысле весьма показательна ситуация в Индии, которая отличается огромным разнообразием культур и сложным этническим и религиозным составом населения. Этот факт явился поводом для многочисленных пророчеств о неизбежном распаде Индии как единого государства. Но государственное единство страны выдержало все испытания и во многом потому, что сильное государство необходимо многочисленным этническим меньшинствам. Сегодня определенные силы пытаются превратить культурные меньшинства в

политические, полагая, что этнотерриториальный принцип организации государства, который имеет место в России, надо применить и к организации политического пространства этой страны. Однако многие специалисты категорически возражают против этого, ибо тогда возникнет реальная опасность раскола страны на этнические анклавы.

Тот материал, который приводится в качестве иллюстрации в нашем курсе и в других учебниках и учебных пособиях по этнополитологии, достаточно очевидно демонстрирует опасность политизации этничности и ее разрушительную силу. Поэтому мы придерживаемся мнения, что актуальной проблемой этнонациональной политики в России и в мире является *деполитизация этничности*. Такой подход диктует необходимость отдельно рассмотреть вопросы, связанные с неполитическими формами реализации этнонациональной политики. К таким сферам мы относим систему школьного образования, социальную рекламу и СМИ. Российский и международный опыт показывает, что для формирования благоприятного климата межэтнического взаимодействия указанные сферы имеют крайне важное значение.

Идея деполитизации этничности является ключевой и в нашем анализе правовых аспектов этнополитики. Здесь мы выделяем три проблемы, но главное значение придаем анализу политического смысла концепта групповых прав. Мы не видим позитивного начала в идее коллективных прав и в легитимации этой идеи путем ее юридического оформления, ибо коллективное право следует логике этноцентризма. Правовая система может строиться только на признании прав личности, индивидуальных прав, и мы пытаемся доказать, что в реальности все «коллективные права» можно свести к индивидуальным, а отрицание индивидуальных прав выгодно только этническим элитам, которые и присваивают себе роль выразителя коллективных интересов этнических групп.

Закон должен строиться на четком понимании того, что представляет собой *субъект права*. В случае с этническими (и расовыми) сообществами такого четкого понимания быть просто не может, ибо границы этнических (расовых) сообществ весьма условны, размыты, а многие представители этнических групп в полиэтничных (миграционных) государствах или имеют множественную этническую идентичность (т. е., к примеру, ощущают себя одновременно и русским, и

евреем или русским, евреем и поляком одновременно и т.д.), или же вообще не характеризуют себя в этнических категориях, а называют себя американцем, россиянином, бразильцем, т. е. для них существует только гражданская идентичность.

При этом стоит согласиться с еще одним очень важным принципом, который нельзя упускать из виду, когда дискутируется проблема коллективных прав этнических (или расовых) сообществ, а именно: «Субъект права должен не только иметь способность приобретать и реализовывать права своими действиями, но и исполнять обязанности, а также нести ответственность. Условное или статистическое множество подобными свойствами не обладает, и речь может идти только о фикции» [17, с. 443].

Таким образом, как только упускается личностный аспект защиты интересов и прав, проблема теряет правовое значение и приобретает значение политического инструмента, с помощью которого отстаиваются интересы не абстрактных коллективов, а неких групп лидеров, отождествляющих себя с данной группой или выступающих от имени группы.

Мы полагаем, что этнические («национальные») движения очень редко являются культурными инициативами, а в основном могут рассматриваться как политические движения, но вряд ли допустимо считать их демократическими в том смысле, что они не ориентируются на фундаментальные принципы демократии. Принципиальные положения их идеологии иные, и в ее основе, как правило, лежит идея противопоставления этничности гражданству, т. е. идея разделения гражданского сообщества на этнические сегменты.

Предложенная модель курса этнополитологии, конечно, нуждается в уточнении и доработке, ибо целый ряд вопросов, касающихся практики этнополитического регулирования, остается дискуссионным. В этой связи представляется крайне полезным тот факт, что научному сообществу и преподавательскому корпусу (а равно и политическим менеджерам) предложены сразу несколько вариантов учебников и учебных пособий по политологии и разные подходы к построению этого курса.

Заключение

В современной России создана единая доктринальная основа государственной национальной политики/этнополитики, в которой достаточно определены сформулированы ее стратегические цели и задачи. За минувшие два десятилетия сформировалась и правовая основа как федеральной, так и региональной этнополитики. Но между доктринальным и правовым уровнем и политической практикой нет прочной связи, ибо нет не только единых региональных институтов этнополитики, обеспеченных подготовленными кадрами управленцев, нет четкой системы финансирования, общего понимания того, что собой представляет этнополитика и чем она отличается от культурной и образовательной политики, какие фундаментальные цели она преследует, с помощью каких механизмов можно и нужно ее реализовывать.

Анализ реальной политической практики показывает, что действующие ныне региональные институты этнополитики оказываются нечувствительными к реальным проблемам, с которыми сталкиваются местные сообщества. Они не только не могут организовать эффективный мониторинг существующих конфликтных ситуаций, но и не в силах разрешить возникающие конфликты, поскольку их кадровый, административный и финансовый ресурсы ограничены. Не имея реальных возможностей решать существующие проблемы, институты этнополитики пытаются продемонстрировать свою эффективность путем ориентации на наименее сложную сферу деятельности – организацию различных фольклорно-фестивальных мероприятий.

Тем самым смысл национальной политики искажается. Институты, предназначенные для реализации государственной национальной политики, т. е. политики единения граждан и политики укрепления общенационального единства, становятся инструментами, которые способствуют «политизации и укреплению этнических различий» [16, с. 13]. Они поддерживают меры, направленные не на укрепление интеграции российского общества и гражданской солидарности россиян, а вкладывают деньги в акции и мероприятия, способствующие углублению культурных границ между различными сегментами российского общества. Отсюда появляются этнические конкурсы красоты, этнические спортивные турниры, этническое искусство, этниче-

ская мода, этническая религия и т.д. и т.п. Глобальная этнизация социального пространства *«таит в себе потенциальную опасность, так как в этом контексте люди рассматриваются не как равные между собой человеческие существа, а как отличные друг от друга существа этнические»* [17, с. 163].

Если говорить об этнополитологических исследованиях в России, то они стали сферой научного интереса не только собственно этнологов и этнополитологов, но и широкого круга политологов, социологов, философов, историков. За последние годы издано огромное количество публикаций этнополитического характера, хотя качество исследований далеко не всегда соответствует степени общественной значимости дисциплины. Что же касается вопроса о востребованности этнополитологии политическим истеблишментом, то здесь пока не все благополучно. Между тем эффективный этнополитический анализ и развитие систем этнополитического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов вместе с усилением прагматичного интереса властей к данным элементам политического менеджмента способны сделать этнонациональную политику действительно эффективной и социально ответственной. Отчасти это уже происходит. Ибо правительство РФ предложило включить дисциплину «Конфликтология (этноконфликтология)» во все программы гуманитариев в качестве универсальной, было также предложено создать кафедры этнополитологии для подготовки и переподготовки кадров в органах власти на базе МГУ и СПбГУ [21]. В восьми регионах страны осуществляется пилотный проект по формированию региональных систем мониторинга межэтнической напряженности, отработки методов и механизмов их работы. Названные меры, безусловно, полезны, но недостаточны, ибо нужно сосредоточивать внимание не столько на предотвращении конфликтов, сколько на гражданской интеграции и воспитании культуры повседневной толерантности, а это означает, что необходимо вносить изменения в школьные программы, чтобы включить в них уроки толерантности и граждановедения, нужно выстраивать формы и методы воздействия на общественные настроения через эффективную социальную рекламу, через государственные и общественные институты. Иными словами сегодня нужны более масштабные и более энергичные усилия как для реформирования эт-

нополитики, так и расширения профессионального этнополитологического образования с целью подготовки квалифицированных управленцев, усиления внимания к этнополитическому просвещению граждан.

1. Абдулатипов Р.Г. Этнополитология: учебное пособие. СПб., 2004.
2. Арутюнов С.А., Рыжакова С.И. Культурная антропология. М.: Весь Мир, 2004.
3. Ачкасов В.А. Этнополитология: учебник. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005.
4. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002.
5. БНКами представляет доклад Вячеслава Гайзера на конференции «Единой России». URL: <http://www.bnkomi.ru/data/news/6903/>
6. Борусяк Л. Депопуляция и общественное сознание // Независимая газета. 2006. 18 апреля.
7. Волков Ю.Г. Российская идентичность: особенности формирования и проявления // Социологические исследования. 2006. № 7. С. 13–32.
8. Восемь лет на краю. Кто излечит коми-пермяцкую депрессию? URL: <http://www.perm.aif.ru/politic/inperm/103928>
9. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь (Collins). М.: Вече, АСТ, 1999. Т. 2.
10. Исхаков Д.М. Модель Татарстана: «за» и «против» // Суверенный Татарстан. Документы. Материалы. Хроника. Т. 2. Современный национализм татар. М., 1998.
11. Кирдяшов В.А. Этнополитология: учебное пособие. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2003.
12. Кирдяшов В.А. Этнополитология: учебное пособие. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2004.
13. Мирсияпов И.И. Национальная идеология и национальные взаимоотношения в Республике Татарстан. М.: Весь Мир, 2004.
14. Мухаметшина Н.С. Этничность и политика: учебное пособие. Самара: Самарск. гос. арх., 2005.
15. Мухаметшина Н.С. Трансформации национализма и «символьная элита»: российский опыт. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2003.

16. Национализм как функция территориальной целостности (редакционная статья) // Эксперт. 2012. 30 января – 5 февраля. № 4 (787). С. 13–14.

17. Осипов А.Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. СПб.: ЦНСИ, 2004.

18. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2003.

19. Осипов А., Сапожников Р. Законодательство РФ, имеющее отношение к этничности. Концептуальные основы, содержание, проблемы реализации (справочный материал) // Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М.: Немецко-русский обмен, 2004.

20. Полуянов Н.А., Шабает Ю.П., Мальцев Г.И. Коми-Пермяцкий автономный округ: проблемы социально-экономического и национального развития (Очерки. Статьи. Материалы). М.: ЦИМО, 2000.

21. Правительство РФ предложило создать кафедры этнополитологии. URL: <http://www.finugor.ru/pravitelstvo-rf-predlozhilo-sozdat-kafedry-etnopolitologii>

22. Пробуждение финно-угорского Севера. Т. 1. Национальные движения Марий Эл. М., 1996.

23. Рекомендации по созданию условий для реального участия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в политическом процессе // Участие коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт : сборник материалов Международного круглого стола «Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока и система парламентаризма в Российской Федерации: реальность и перспективы», 12-13 марта 2003 года, Москва. М.: АКМНСС и ДВ, IWGIA, 2003.

24. Российская нация: становление и этнокультурное многообразие. М.: Мин-во регион. развития РФ, 2008.

25. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://www.pravo.gov.ru/ipsdata/>

26. Тишков В.А. Этнология и политика. М.: Наука, 2001.

27. Тишков В. Казанские страсти // Независимая газета. 2002. 4 октября.

28. Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: учебник. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011.

29. Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Московского ун-та, 2013.

30. Тураев В. Этнополитология : учебное пособие. М.: Ладомир, 2004.

31. Филиппова Е. Найти себя. Конструирование идентичностей в России // Этнопанорама. 2004. № 3–4. С. 38–43.

32. Филиппова Е. Территории идентичности в современной Франции. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2010.

33. Шабаев Ю.П. Идеология национальных движений финно-угорских народов России и ее восприятие общественным мнением // Этнографическое обозрение. 1998. № 3. С. 119–128.

34. Шабаев Ю.П. Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке. М.: ЦИМО, 1998.

35. Шабаев Ю.П. Конструирование нового национализма финно-угров: конкуренция глобального и регионального // Мир России. 2004. № 3.

36. Шабаев Ю.П., Садохин А.П. Этнополитология: учебное пособие. М.: ЮНИТИ, 2005.

37. Шабаев Ю. Архангелогородский регионализм // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов 2006. № 65. Январь-февраль.

38. Шабаев Ю.П. Новые этнические идентичности у финно-угров как политический инструмент // Этнографическое обозрение. 2006. № 1. С. 13–27.

39. Шабаев Ю. Чем будет заниматься новоявленный Миннац? // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2007. № 76. Ноябрь-декабрь.

40. Шабаев Ю.П. Этнополитология в России: наука без «периферии» // Политическая наука в России: проблемы, направления и школы (1990–2007). М.: РОССПЭН, 2008.

41. Шабаев Ю.П., Чарина А.М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2010.

42. Шабаев Ю.П. Народы Европейского Севера России: положение, специфика идентичности // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 54–62.

43. Шабаев Ю.П. Этнополитология в России: формирование учебной дисциплины // Политическая наука. 2011. № 1. С. 47–63.

44. Шабаев Ю.П. Культурный апокалипсис или гражданская консолидация? // Социологические исследования. 2013. № 3. С. 28–36.
45. Шабаев Ю.П. Язык взаимопонимания и понимание языка // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга 2012. М.: ИЭА РАН, 2013.
46. Шабаев Ю.П. Русский Север в современной этнополитике // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М.: ИЭА РАН, 2014.
47. Шабаев Ю.П., Садохин А.П. Стратегические вызовы и локальные модификации в реализации государственной национальной политики // Вестник российской нации. 2014. № 6. С. 223–246.
48. Шабаев Ю.П., Садохин А.П. Региональный национализм: экспертный анализ идеологии этнических движений финно-угорских народов России. М.: Директ-Медиа, 2014.
49. Этнология: учебное пособие. / под ред. Е.В. Миськовой, Н.Л. Мехедова, В.В. Пименова. М.: Академический проект; Культура, 2005.
50. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Социальная антропология. Ростов н/Д: Феникс, 2004.
51. Greenfield, Lian. Nationalism. Five Roads to Modernity. Cambridge, London, 1993.
52. Rattansi, Ali Just framing: ethnicities and racism in a “postmodern” framework//Social primordialism. Beyond identity by politics. Ed. by Linola Nicolson and Steven Seidman. Cambridge.1999.
53. Rotshild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. N.-Y., 1981.
54. Basu, Amrita Reflection on Community Conflicts and the State in India//The Journal of Asian Studies, Vol.56, No.2. (May, 1997).
55. Kohli, Atul Can Democracies Accommodate Ethnic Nationalism? Rise and Decline of Self-Determination Novements in India//The Journal of Asian Studies, Vol. 56. No 2. (May, 1997).